

СОЦРЕАЛИСТИЧЕСКИЙ КАНОН

Гуманитарное Агентство
«АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ»

Санкт-Петербург
2000

ТОТАЛИТАРНАЯ НАРОДНОСТЬ И ЕЕ ИСТОКИ

Ханс Гюнтер

Постулат народности возникает в первой половине 1930-х годов на фоне переориентации Советской России на строительство социализма в «одной отдельно взятой стране» и означает открытый поворот к национал-большевизму. 9 июня 1934 г. «Правда» публикует редакционную статью под названием «За родину!», в которой героизм челюскинцев и спасавших их летчиков связывается с защитой социалистической родины. Начиная с весны 1934 г. подвергается уничтожающей критике «схоластическая» и «отвлеченная» историческая концепция Михаила Покровского, для которой характерен экономический детерминизм классовой борьбы марксистского толка. Отныне торжествует патриотический взгляд на русскую историю, подчеркивающий роль великого русского народа и его властителей¹.

Идеологические перемены сразу находят свое отражение в литературе. На Первом съезде советских писателей в августе того же года Валерий Кирпотин в своем выступлении о советской драматургии энтузиастически возвеличивает «социалистический народ» и «родину». Из лживого орудия обмана и оглушения трудящихся понятие родины, по словам критика, превратилось в спасение человечества и обетованную землю человеческой культуры². Канонизация соцреалистического постулата народности совершается в течение двух лет. В 1936 г. он уже находится в полном действии, о чем свидетельствуют кампании против вульгарного социологизма и модернизма, проводившиеся во имя народности³.

Задача настоящей статьи — осветить культурное измерение советской народности. Становление этого постулата в первой половине 1930-х гг. имеет существенное значение, поскольку оно свидетельствует о переходе советской культуры от утопически-революционной к собственно тоталитарной стадии. Происходит замена базисной категории классовости — категорией народности⁴. Среди постулатов соцреализма партийность и народность, без сомнения, занимают место ведущих понятий, так как с ними связаны самые фундаментальные критерии оценки. В то время как партийность включает в себя сознательность и революционную дисциплину, народность касается стихийной стороны человека, его биологической основы и привязанности к традициям. В партийности преобладает идеологически однозначное целеустремленное движение в будущее, в народности мифически-многозначная связь с прошлым. Партийность выражает «холодные» принципы воли и рации, народность же обращается больше к эмоциям. С партийностью ассоциируются требования «сверху», с народностью — изначальное бытие самых «низов».

В переходе от классовой к народной программатике выражается стремление революционной власти преодолеть статус «чужого элемента», желание «укорениться в родной почве». С появлением народности распространяется сталинский миф Большой семьи, согласно которому вождю как мужскому, отцовскому полюсу противостоит женский полюс Матери-Родины. Несмотря на мужской грамматический род слово «народ» принадлежит к женскому ряду вместе с такими словами как «родина», «земля», «страна», «Москва» и др.⁵.

Но прежде чем пуститься в детали анализа семантики и функциональности сталинской народности, обратимся к истории этого понятия в XIX веке. Тотали-

тарная культура всегда питается тем запасом, который накоплен в предыдущие периоды развития. Несмотря на то, что исторический материал сильно искажается и инструментализируется, отступление в прошлое покажет, в какие именно традиции советская народность вписывается. Наш обзор, конечно, носит характер выборочный. Учитываются только некоторые релевантные позиции. После рассмотрения истории понятия «народность» в дореволюционной России остановимся коротко на соответствующей проблематике в Германии, ибо очевидно, что как в историческом плане, так и по отношению к соответствующим тоталитарным культурам тут можно установить некоторые существенные параллели.

I

Возникновение понятия «народность» в России в 20-е гг. XIX века было связано со стремлением русской литературы к самобытности, к преодолению подражания западным образцам, которое привилось в течение XVIII столетия. С самого начала отмечается расплывчатость, неопределенность термина. У Пушкина читаем: «С некоторых пор вошло у нас в обыкновение говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы, но никто не думал определить, что разумеет он под словом народность»⁶. Подобным образом Белинский в начале 1840-х гг. пишет, что народность, как «альфа и омега эстетики нашего времени», как высший критерий и пробный камень достоинства литературного произведения, лишена «определенного и точного значения»⁷. С самого начала бросается в глаза расплывчатость понятия, семантика которого зависит от контекстуального употребления. Ярлык «народность» означает сложный пучок элементов, структура которого у каждого автора по-разному упорядочена и подчинена разным доминантам. Более того, это целое поле дискурса, в котором пересекаются разные культурные голоса.

Если Пушкин перечисляет такие факторы народности, как климат, образ правления, веру, образ мыслей и чувствований, обычаи, поверия и привычки, принадлежащие исключительно какому-нибудь народу, то за этим пониманием легко угадывается концепция Й. Г. Гердера. Его представления о языке как воплощении народной души, о национальном характере и о непрерывном, органическом развитии народов как индивидуальностей человечества стали общим достоянием романтической мысли в Германии и России.

Не удивляет поэтому, что подобные формулировки мы находим у многих авторов этой эпохи. Например, Белинский в «Литературных мечтаниях» 1834 г. видит самобытность народа в «особенном, одному ему принадлежащем образе мыслей и взгляде на предметы, в религии, языке, и более всего в обычаях» (т. 1, с. 22). Все эти обстоятельства обусловлены, в духе Гердера, климатом и местностью. Народность в литературе — это верность изображения картин русской жизни, отражение «индивидуальности, характерности народа, выражение духа внутренней и внешней его жизни» (т. 1, с. 197). Но вместе с фактической народностью в конце статьи встречается пророчески провозглашенная идеальная, утопическая народность⁸. Истинная эпоха искусства наступит лишь тогда, когда выяснится умственная «физиономия могучего русского народа» (т. 1, с. 87). Когда взойдут семена просвещения, «тогда будем мы иметь свою литературу, явимся не подражателями, а соперниками европейцев» (т. 1, с. 88).

В статьях о творчестве Пушкина и Гоголя Белинский излагает свои идеи об оригинальности русской литературы. В 1840-е годы можно наблюдать углубление внутреннего конфликта между пророком, разгадывающим «тайну народной психеи» (т. 3, с. 503), и рациональным аналитиком общества⁹. Говоря о «Борисе Годунове», Белинский утверждал, что русский народ, пусть он невежествен, груб,

ограничен и слеп, «непогрешительно истинен и прав в своих инстинктах» (т. 3, с. 583) и «никогда не обманывается в своей симпатии и антипатии к живой власти» (т. 3, с. 577).

Одновременно автор «Взглядов на русскую литературу» 1846 и 1847 гг. заметно отходит от народности как главного критерия художественного творчества. Вместо понятия народности, которая «имела прежде исключительно литературное значение», критика теперь больше занимает «совершенно новое» (т. 3, с. 657) понятие действительности. Гоголь народен именно тем, что он воспроизводит русскую действительность во всей ее истине (ср. т. 3, с. 780—781). С усилением критического отношения Белинского к русской действительности уменьшается и роль народности. В «Письме к Гоголю» 1847 г. он пишет, что русская публика видит в писателях «защитников и спасителей от русского самодержавия, православия и народности» (т. 3, с. 712). Вслед за Белинским, «ссылки на народность все чаще рассматривались в русской мысли как признак консерватизма и отсталости»¹⁰. Поэтому многие критики официальной народности¹¹ второй половины XIX века вообще избегают этого дискредитированного термина.

Во взглядах Белинского заложена основа для будущего развертывания понятия народности. Происходит распад на враждебные, но тем не менее связанные между собой линии. На одном полюсе находятся славянофильские и почвеннические авторы, на другом — такие авторы как Чернышевский и Добролюбов, а вслед за ними — Герцен и народники. При этом практически невозможно выделить «чистые» позиции западничества или славянофильства: отдельные компоненты народности акцентируются по-разному и даже флуктуируют между идеологическими полюсами.

Огромное влияние на дискуссию о народности оказало письмо Ивана Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» 1852 г. У Киреевского находим то, чего не хватало у Белинского: систематическое отмежевание русской культуры от европейской и определение сути русской народности. Склад русского характера, по Киреевскому, определяется двумя принципами: чистотой христианского предания и единомудушной гармонией социального устройства. Этот взгляд оказался чрезвычайно существенным для всех дискуссий второй половины XIX века, ибо начиная с 1860-х гг. формируются два подхода к проблеме народности. Почвенники во главе с Достоевским выдвигают религиозный признак в качестве доминанты, тогда как Чернышевский, Герцен и народники придерживаются социального признака. Для одних русский народ отличается православием, для других — коллективистским строем.

Главным залогом всех положительных свойств русского народного характера является, в глазах Киреевского, чистота и полнота христианской веры, а с другой стороны, все пороки Запада имеют свои корни в отходе Рима от вселенской церкви. Исходя из этого, Киреевский сравнивает разные области русской и западной культур. По поводу римских законов, например, автор констатирует, что «стройность внешней формальности доведена до... изумительного логического совершенства при полном отсутствии внутренней справедливости. То же наружное сцепление мыслей на счет внутренней, живой полноты смысла представляет нам и религия римская»¹². В России, наоборот, вследствие «естественных, простых и единомудушных отношений и законы, выражающие эти отношения, не могли иметь характер искусственной формальности», но несут «характер более внутренней, чем внешней правды, предпочитая очевидность существенной справедливости буквальному смыслу формы; святость предания — логическому выводу; нравственность требований — внешней пользе» (с. 226).

В то время как на основе частной собственности в западном обществе «рождались наружные, формальные и насильственные условия примирения» (с. 213), Россия «не знала ни железного разграничения неподвижных сословий», ни «ис-

кусственной формальности общественных отношений» (с. 225). В России «религиозные и общественные понятия людей, воплощаясь в бытовых отношениях, естественно вырастают, и крепнут, и связываются в одно общее единомыслие, правильно отражающееся в стройной цельности общественного организма» (с. 208).

Из западной философии, которая характеризуется как «бесконечная, утомительная игра понятий» и «беспреданно вертящийся калейдоскоп отвлеченных категорий», изгоняли «живое, цельное понимание внутренней, духовной жизни» (с. 217). По сравнению с бесчувственным холодом рассуждения, мышление Платона представляет «более цельности в умственных движениях, более теплоты и гармонии в умообразной деятельности разума» (с. 220). Западному мышлению свойственно раздвоение сил разума, в то время как у восточных мыслителей «отдельные деятельности духа сливаются в одно живое и высшее единство» (с. 221). В искусстве раздробленность западного духа приводит к отвлеченной красоте, к обману воображения и свободному искусству, вместо того чтобы сохранить неразрывную связь красоты и правды.

Подводя итоги, Киреевский в конце своего письма противопоставляет раздвоение и цельность, рассудочность и разумность как главные характеристики западной и русской культур. С рассудочностью связана еще одна устойчивая черта — внешность и формальность западного мышления, которая противоположна стремлению к пониманию внутренней сущности вещей. Контраст отвлеченной, мертвой, буквальной формальности и живого смысла внутренней истины пронизывает весь текст Киреевского.

Достоевский в основном исходит из тех положительных определений русского народного характера, которые формулирует Киреевский. Ему нравится «бессознательная и чрезвычайная стойкость народа в своей идее, сильный и чуткий отпор всему, что ей противоречит»¹³. Он обращает внимание на почву, «на которой все сливается в одно цельное, стройное, единоедушное, сливаются все сословия, мирно, согласно, братски» (т. 18, с. 49). Главный акцент, однако, делается на духовных, религиозных ценностях, на народной вере и правде. Русский народ — «носитель Христа» (т. 26, с. 170), народ-богоносец.

Русский народ является избранным народом, отличающимся высокой исторической миссией. Особенная «сила духа русской народности» показывается в его стремлении «ко всемирности и ко всечеловечности» (т. 26, с. 147). Еще с 1861 г. Достоевский подчеркивает этот «инстинкт общечеловечности» (т. 18, с. 55). Русская идея станет со временем «синтезом» всех идей, которые Европа выработывала. В Пушкине, который нашел положительную красоту в народном духе, этот идеал всепримиримости и «всемирной отзывчивости» выражается во всей своей полноте (т. 26, с. 145). Еще у Белинского можно найти утверждение, «что русскому народу предназначено выразить в своей национальности наиболее богатое и многостороннее содержание и что в этом заключается причина его удивительной способности воспринимать и усваивать себе все чуждое ему» (т. 3, с. 655). Это не единственный случай, который показывает, что в концепции народности Белинского в зародыше уже есть практически все детали, которые затем развертываются в ходе дискуссии.

Если народность, заложенная в народной вере, является наивысшей ценностью, тогда оторванность интеллигенции от народа может быть преодолена только «возвращением на почву» (т. 20, с. 208). «Русское общество должно соединиться с народной почвой и принять в себя народный элемент» (т. 19, с. 7). Интеллигенция должна возвращаться на родную почву со своим европейским образованием, «чтоб участвовать в дальнейшем развитии нашем, в развитии народном, настояще-русском, и с новыми силами, взятыми от родной почвы, вступить на правильный путь» (там же).

У Достоевского, как и у его предшественников, идея народности имеет про-

цессуальный характер. Писатель повторяет утверждения Белинского о том, что народность не идентична простонародности. Согласно Белинскому, «национальная физиономия всего больше сохранялась в низших слоях народа», но все-таки недостаточно изображать в романе «нравы, обычаи, понятия и чувствования черни» (т. 1, с. 77). Вслед за Белинским, Киреевского занимает вопрос, почему собственно русское образование осталось в народе в состоянии глухой неразвитости¹⁴. Из ограниченности фактической народности Белинский и Киреевский делают вывод о том, что истинное просвещение и истинная народность еще не раскрылись в жизни, что они еще впереди.

У Достоевского эта аргументация дополнительно усиливается. Пушкин характеризуется как явление пророческое, «ибо тут и выразилась наиболее его национальная русская сила, выразилась именно народность его поэзии, народность в дальнейшем своем развитии, народность нашего будущего, таящегося уже в настоящем» (т. 26, с. 147). В таком понимании народность — пока невыясненный, скрытый, так сказать, таинственный идеал. Издатели журнала «Время», как пишет Достоевский, идут прямо «от этой народности, как от самостоятельной точки опоры, прямо, какая она ни есть теперь — невзрачная, дикая, двести лет прожившая в угрюмом одиночестве. Но мы верим, что в ней-то и заключаются все способы ее развития» (т. 20, с. 210). Народность пророческая — это вера в русскую будущность.

В отличие от Достоевского и таких критиков как Аполлон Григорьев или Николай Страхов, русский народ в народнической интерпретации характеризуется в первую очередь не религиозным идеалом, а особым социальным устройством. Н. Чернышевский, А. Герцен и многие другие видели в общине гарантию социалистического будущего России. И у Н. Добролюбова народность интерпретируется в социальном смысле. По его мнению, Пушкин овладел только *формой* русской народности, потому что содержание ему было недоступно. Для того, чтобы быть истинно народным, «надо проникнуться народным духом, прожить его жизнь, стать вровень с ним, отбросить все предрассудки сословий, книжного учения и пр., прочувствовать все тем простым чувством, каким обладает народ» (т. 1, с. 314)¹⁵. И Гоголь «не постиг вполне, в чем тайна русской народности» (с. 317). Вообще русская литература «никогда не выполняла своего назначения: служить выражением народной жизни, народных стремлений» (с. 316—317).

Вклад народничества в дискуссию о народности состоит главным образом в ее политизации, увязке с социальной активностью. С. Булгаков остроумно раскрывал последствия «служения народу», когда писал, что народническая интеллигенция колеблется между крайностями «народопоклонничества и духовного аристократизма». С одной стороны, народ идеализируется как носитель социалистических идеалов; с другой, укрепляется «высокомерное отношение к нему как к объекту спасительного воздействия, как к несовершеннолетнему, нуждающемуся в няньке для воспитания “сознательности”»¹⁶.

Другой автор «Вех», С. Франк, приходит в выводу, что в России «всепожирающий народнический дух поглотил и ассимилировал марксистскую теорию»¹⁷. На самом деле, в народничестве образуется та структура отношения интеллигенции к народу, которая характерна и для большевиков. Народ (или пролетариат), лишенный сознания своей исторической роли, нуждается в предстоятеле, который говорит «от имени народа».

Выдающуюся роль во внедрении категорий народничества в идейную систему марксизма сыграл М. Горький. Не подлежит сомнению, что новая религия органической солидарности и коллективного действия Берви-Флеровского оказала на него сильное влияние¹⁸. В конце повести «Исповедь» говорится об исцелении хромой девушки, прижавшейся к телу всемогущего, бессмертного народа. У Горького также возникают выражения, терминологически примиряющие народниче-

ство и марксизм, — например, «трудящийся народ», «рабочий народ» и т. д. Такие сочетания могли служить образцом для замены «пролетариата» идеологемой «социалистического народа» в первой половине 1930-х гг.

Благодаря Горькому и другим богостроителям, таким, как А. Луначарский, в марксизм вливается целый поток мифологических представлений. Народ представлен как освобождающийся коллективный Прометей, как творец культурных ценностей, богов и героев¹⁹. В мифологизации народа Горький следует символистам, с той только разницей, что в мифотворчестве Вяч. Иванова или А. Блока народ выступает как носитель дионисийских свойств, в то время как богостроители придерживаются символики сверхчеловека. После Октябрьской революции дионисийская интерпретация народа отвергается как чреватая уклоном в стихийность, а линия сверхчеловека канонизируется.

II

Влияние Гердера, о котором уже шла речь, в России не случайно. По отношению к народности очень многое сближает Германию и Россию. Вообще, и немецкое слово «Volk», и русское слово «народ» вызывают большое количество эмоциональных ассоциаций²⁰ в отличие от, скажем, французских или английских слов «people» и «nation». Философ Г. Плеснер видел одну из причин силы немецкого национализма в том факте, что Германия — «запоздавшая нация» — в том смысле, что единое государство в Германии сложилось значительно позже, чем у остальных европейских наций. Россию можно назвать «запоздалой нацией» в другом смысле. Она принадлежит к тем «молодым» народам, которые с опозданием явились на историческую сцену. Этот аргумент Гегеля был подхвачен различными русскими мыслителями XIX века, подчеркивавшими неразвитость русского народного духа.

В рамках этой статьи невозможен обзор развития концепций «народа» и «народности» в Германии. Ограничимся лишь несколькими терминологическими замечаниями. Идеи Гердера в Германии широко воспринимались разными мыслителями и писателями эпохи романтизма. Такие сочетания, как «народная поэзия», «народная песня», «народная душа», «народный дух» и т. д., восходящие большей частью к Гердеру, приобрели свой мифологический ореол у братьев Я. и В. Гримм²¹. С народом ассоциируются представления о целостности и изначальноности. По Якобу Гримму, народная поэзия выходит из «души целого», искусственная поэзия — из «души отдельного человека»²². Древняя поэзия могла создать вечно признанные формы, потому что «древние были исполнены большего величия, были чище и святее, чем мы» (с. 189). По Вильгельму Гримму, поэт должен продлить «поэтическую силу, присущую совокупности народа», он должен «дополнить» (с. 202) ее в своем творчестве. В народе высказывается первоначальное состояние, вечно-сакральное, не сделанное, а природное, органическое.

Взгляды романтиков подготовили почву для политической интерпретации проблематики народа. Фридрих Людвиг Ян в 1810 г. ввел в оборот слово «Volkstum», дав ему следующее определение: «Это — общее народа, свойственная ему суть, его быт и бытие, его воспроизводящая сила. Через него во всех членах народа господствует народное мышление» (с. 156): «Es ist das Gemeinsame des Volkes, sein inwohnendes Wesen, sein Regen und Leben, seine Wiedererzeugungskraft, seine Fortpflanzungsfähigkeit. Dadurch waltet in allen Volksgliedern ein volkstümliches Denken». Чистота народа объявляется самоценной и, следовательно, «Volkstum» считается оплотом против всего иностранного. Многие современники, среди них поэт Э. М. Арндт или юрист Г. Луден, выступают против отвлеченной идеи космополитизма.

Наконец, проблема народности связывается со злободневной проблематикой государственности. Для философа Й. Фихте единство немецкого народа — только «постулат будущего» (с. 126). Э. М. Арндт пишет: «У нас еще нет народа, у нас еще нет отечества, мы ищем и то, и другое и должны их искать» (с. 144).

В 70-е годы XIX века возникает термин «volkisch» в качестве немецкого перевода иностранного слова «national». В формирующейся «Volkische Bewegung» этот термин принимает националистическое и очень часто антисемитское значение.

После Первой мировой войны вся «volkische» идеология, как и все идеологические основы национал-социализма уже существовали в развитом виде. Примером такого мышления может служить книга В. Штапеля «Volk», вышедшая впервые в 1917 г. Книга изобилует клише вульгаризированной органической и романтической мысли, которая ставится на службу националистической и расистской идеологии. Автор книги различает «Volkheit», восходящую к позднему Гете и выражающую самую сущность народа, и «Volkstumlichkeit», которая является «предметным выражением «Volkheit»²³.

Очень популярным в годы Третьего Рейха становится термин «Volksgemeinschaft» (народное содружество, народная общность). Согласно социологу Ф. Тённису «Gemeinschaft» (содружество, общность) означает «реальную и органическую жизнь» в отличие от термина «Gesellschaft» (общество), который подразумевает идейное и механическое образование. «Живой организм» противопоставляется «механическому агрегату и артефакту»²⁴. Понятие «Volksgemeinschaft» должно было придать национал-социалистическому обществу призыв подлинных, родственных, семейных отношений.

III

Немецкая и русская «народность» развиваются в разных культурных традициях и, соответственно, обретают своеобразные значения. В результате тоталитарной узурпации, однако, функции народности в советской России и в Германии 1930-х гг. сближаются. Рассматривая эти функции, надо иметь в виду различие идеологий национал-социализма и сталинизма. В качестве таких разных доминант, окрашивающих содержание народности, можно назвать расизм и народный коллективизм. Национал-социализм обещает избавление немецкого народа через чистку от расово чужеродных элементов, а национал-большевизм стремится к восстановлению народного коллективизма, к своего рода «коммунальному сознанию»²⁵ путем устранения антинародных влияний. Как ясно из обзора проблематики народности в XIX веке, эти идеологические доминанты глубоко укоренены в истории этих двух культур.

Ниже мы проанализируем отдельные функциональные значения народности в тоталитарных обществах 1930-х гг. Во-первых, бросается в глаза то, что в обоих вариантах тоталитаризма понятие народа связано с представлениями об органичности и целостности, заложенными в романтической мысли. Кроме «Volksgemeinschaft» в идеологии Третьего Рейха большую роль играет понятие «целого», которому должно служить все индивидуальное, частное.

И в советской эстетике, философии, науке 1930-х гг. происходит поворот к органическому принципу. Отвергается так называемый «вульгарный социологизм» за его «отвлеченность» и «механистичность». В соответствии с традициями русской мысли XIX века, принцип синтеза ценится выше расчленяющего анализа. «Мертвому», «бездушному» техническому мышлению предыдущего периода повсюду противопоставляется «живое»²⁶. В отличие от идеологии национал-социализма, которая изначально отвергала рациональный, аналитический принцип, сталинизм должен был освободиться от собственного марксистского прошлого,

чтобы перейти к органически-целостному мышлению.

Как и органичность, представления об исторической традиции или вневременности неразрывно связаны с романтической мифологизацией народа. В Германии вечность народа основана на «крови», в то время как в советской народности делается упор на историческое и культурное величие русского народа.

Для обеих тоталитарных культур народность является не только обозначением фактического, но и идеального, можно даже сказать — утопического состояния. Эта черта заложена уже у мыслителей XIX века, начиная с Белинского. В соцреализме предлагается трехстадийная схема развития народности: в первобытном строе все творчество народное, в классовом обществе происходит отрыв профессионального искусства от народа, а в социалистическом обществе достигается «полное идейное единство между народным творчеством и профессиональным искусством»²⁷. «Единое поэтическое искусство советского народа»²⁸ как бы воплощает синтез и реализацию истинной народности. Это «торжество культуры, сумевшей заставить профессионалов творить фольклор»²⁹.

В немецкой традиции, начиная с эпохи романтизма, существует идея становящегося народа. «Volksgemeinschaft» Третьего Рейха претендует на историческое осуществление этой идеи. «Быть народом значит стать народом под руководством фюрера»³⁰.

По отношению к читателю, народность очень часто включает требования понятности, доступности и простоты — то, что в двадцатые годы называлось «массовостью» искусства. В. Кирпотин одним из первых в своем выступлении на Первом съезде писателей выдвигает простоту как ядро народности: «Нас обязывает к простоте социальный заказ миллионов»³¹. Однако простота в тоталитарном понимании крайне полемический термин, который направлен против формализма, который определяется как «нарочито затрудненное искусство»³².

В свете народности «непонятное» искусство авангарда оказывается дисфункциональным и вредным явлением. Народность открывает дорогу неограниченной власти китча. «Kitsch keeps a dictator in closer contact with the “soul” of the people [Китч теснее связывает диктатора с “душой” народа (англ.)]»³³. Милан Кундера пишет о коммунистическом китче в связи с первомайским праздником, который был пропитан «категорическим согласием с бытием»³⁴. Китч не менее распространен в Германии 1930-х гг. Наглядным примером является «Большая выставка немецкого искусства» (Grosse Deutsche Kunstausstellung), которая была организована летом 1937 г. в качестве положительного контраста к выставке «Вырождающееся искусство» («Entartete Kunst»), проходившей в то же время³⁵.

Тоталитарная «простота» обыкновенно идентифицируется со здоровым и естественным. Не случайно так называемая «дискуссия о формализме и натурализме» прошла под знаком народности искусства. По выражению одного из критиков, формализм — это «смертельный враг народности в искусстве», или, другими словами, «уход искусства от народа», приравняемый к вырождению искусства³⁶. Другой автор утверждает, что «только народность искусства в состоянии дать бой вульгарному пониманию искусства, разоблачить формалистических ополщителей... или натуралистических приспособленцев»³⁷.

Язык статей газеты «Правда» — «Сумбур вместо музыки», «Балетная фальшь», «Ясный и простой язык в искусстве», — открывавших «дискуссию» 1936 г., изобилует словами, восходящими к пресловутой книге Макса Нордау «Вырождение»³⁸. В этих статьях подлинное, здоровое, естественное искусство противопоставляется болезненному, левацкому уродству, неврастеничному, судорожному и припадочному декадентскому вкусу, всяческим извращениям и искривлениям реальности и т. д. Книга Нордау, которая пользовалась большим успехом в России (в том числе среди марксистских авторов, таких как Плеханов, Луначарский, Горький), неоднократно переводилась и издавалась в начале века³⁹. Статья Горького «Поль Верлен

и декаденты» (1896 г.), которая насковозь пропитана словарем Нордау, не случайно появилась с актуальным комментарием в журнале «Звезда» в 1937 г.

Сталинская кампания против модернизма предвосхитила пресловутую выставку «Entartete Kunst» в Германии 1937 г. В каталоге выставки цитируются слова фюрера о том, что немецкий народ требует немецкого искусства, которое должно быть, «как все творческие ценности народа, вечно»⁴⁰. На открытии выставки Гитлер выступает против искусства высокомерных кружков, которые пытаются «смущать здоровое, инстинктивное чувство народа, вместо того, чтобы поддержать его»⁴¹. В нацистской Германии, как и в сталинской России очищение культуры от модернизма сопровождается почти идентичным словарем и постоянной ссылкой на народность. Разница только в том, что одни обосновывают свои лозунги антисемитскими, а другие — марксистско-ленинскими аргументами. В обоих случаях модернизм осуждается как «антинародное явление».

Кроме антимодернистских требований простоты и естественности народность содержит еще одну эстетическую компоненту, которая связана с прямым значением этого термина. Имеется в виду фольклорность. В тоталитарных обществах происходит фольклоризация всей культуры путем «возрождения» народных традиций⁴². С одной стороны, оживляются народные песни и танцы, с другой, мотивы и приемы фольклора рекомендуются как образец для профессионального искусства. В то время как в Германии фольклор должен был выразить вечную суть немецкого народа, в советской России привилась сталинская формула культуры «национальной по форме и социалистической по содержанию».

Подвергается критике теория отмирания фольклора, и фольклористы призываются на помощь в поощрении движения народных бардов, среди которых стали известны имена Сулеймана Стальского, Джамбула Джабаева, Марфы Крюковой и др. В 1938 г. вышел представительный сборник «Ленин и Сталин в поэзии народов СССР». Подъем восточных традиций объясняется не в последнюю очередь тем, что их приемы пригодились в особенности для поэтического возвышения политических вождей. На фоне государственного фольклора бахтинская теория гротескного тела народа представляла собой вызов официальной народности на ее собственной территории. Официальной народности Бахтин противопоставлял идеализированный образ народного карнавала, который он извлек из западной культуры⁴³.

Кроме эстетических, народность выполняет и социально-культурные функции. Народ, как «Volksgemeinschaft» или «социалистический коллектив», обычно противопоставляется отдельным «группировкам», «кружкам» или просто неназванным «некоторым», которые якобы хотят навязать здоровому большинству, т. е. «народу» свой элитарный вкус. «Народ не хочет», по словам одного критика, «чтобы те, которые не играют главной роли в его жизни, колеблющиеся, рефлектирующие интеллигенты, играли главную роль как объекты его искусства... Народ имеет в своей борьбе цель. Его цель — сам народ, его счастливая коммунистическая жизнь»⁴⁴. С подобными требованиями выступает политическая власть, а не сам народ, а народность висит постоянной угрозой над головой художественной интеллигенции. Ссылаясь на народ, власть ведет борьбу со всяческими «чуждыми народу» устремлениями внутри общества.

Народность служит инструментом отмежевания и от внешних, в особенности западных, влияний. Так например, один критик отвергает «так называемое “западничество”, смешную и непристойную болезнь, которой заразились кое-какие из наших художников и которую пытались изобразить не болезнью, а признаком здоровья кое-какие критики»⁴⁵. Антизападническая тенденция достигает своего апогея после войны в борьбе с «антинародным низкопоклонством перед гнивающим Западом» и с «безродным космополитизмом». Механизм отбрасывания всего «чужого» во имя «своего» использовали оба тоталитарных государства. Ов-

ладев народностью, политическая власть самостоятельно определяет, в чем состоит здоровое ядро народа, а в чем — чуждые народу идеи.

IV

Народность выполняет в тоталитарной культуре различные функции, которые мы представим схематично вместе с противоположными понятиями. Обращает на себя внимание чрезвычайно широкий диапазон термина. Первые три оппозиционные пары включают в себя общие мифологические аспекты, четвертая, пятая и шестая касаются эстетических вопросов, а шестая и седьмая — социокультурных.

1. Органичность, целостность vs. Механическое, аналитическое
2. Традиционность, вневременность vs. Современная эпоха, модернизм
3. Идеальность, утопичность vs. Фактическое состояние народа
4. Простота, понятность vs. Затрудненность, элитарность
5. Здоровое, естественное vs. Болезненное, упадочное
6. Фольклорность vs. Профессиональное искусство
7. Большинство народа vs. «некоторые»
8. Своя культура vs. Чужая культура

Сформулируем некоторые итоги. Актуализация народности в советской России 1930-х гг. отсылает к 20—30-м годам XIX века, к эпохе возникновения категории «народность». Первоначально понятие народности, связанное со стремлением создать самостоятельную русскую литературу, возникло на основе романтической мысли в самой сфере культурного творчества. Советская народность, как составная часть соцреалистического канона, преследует цели создания специфической «советской культуры», но путем насильственного отрицания сложившегося мирового контекста модернизма.

Судя по высказываниям Пушкина или Белинского, уже в первые десятилетия XIX века ощущалось отсутствие точного определения понятия «народность». В сталинской России 1930-х гг. этот недостаток еще больше усиливается. Народность трактуется как категория, очевидность и правдивость которой не подлежит сомнению. При этом советские определения народности тавтологичны. «Чистая тавтология, — пишет Т. Адорно, — которая пропагандирует понятие, отказываясь определить его, и вместо того с упрямостью повторяет его, рождается из духа насилия»⁴⁶. Тавтология объясняется тем, что тоталитарный дискурс, благодаря своему монопольному положению, не нуждается в оправдании и в дефинициях. Можно даже сделать вывод, что отрицательные функции понятия важнее его положительного значения. Тоталитарная народность лежит в основе целой системы запретов.

Почти все официальные ссылки на источники советской народности скорее затемняют дело, чем разъясняют его, и служат исключительно идеологической легитимации. Большая Советская Энциклопедия в конце рубрики «Народность» отсылает, например, к ленинской статье «Партийная организация и партийная литература», в которой речь о народности вообще не идет. Ленина интересовала только понятность искусства. Но это не мешало ритуально цитировать фразу из разговора с Кларой Цеткин: «Искусство принадлежит народу»⁴⁷.

Кроме Ленина, в Энциклопедии упоминаются еще Белинский, Чернышевский, Добролюбов и Плеханов. В отличие от революционных демократов, славянофильство и народничество в советское время открыто не выступали на идеологической поверхности. При Сталине они существовали лишь как «глубинное,

“подводное” течение культуры»⁴⁸. В подлинной же родословной советской народности должны быть выявлены прежде всего славянофильские и народнические предшественники. Именно славянофилы определили «столбовую дорогу» дальнейшего развития этого понятия, назвав два начала народности — истинную веру и народный коллективизм. Более того, у славянофилов уже сформулированы упреки в адрес Запада за рассудочность и внешний «формализм»⁴⁹, как и в адрес подражателей чуждым русскому народу образцам.

После славянофилов о возвращении к почве и истине народа говорил Достоевский, тогда как идеал коллективизма и общинного строя в социалистической интерпретации был усвоен народниками. По отношению к народу в народничестве обнаруживается тот самый коллективистский дух и тот самый политический активизм, который затем был характерен и для большевиков. К народничеству восходят и все аргументации «во имя народа» и «от имени народа».

В советской «народности» идеи славянофильских предшественников использовались, конечно, в извращенном, перевернутом виде. Славянофильская мысль о народе как о хранителе чистой веры была переложена на язык сталинской эпохи, согласно которому «правоверный» советский народ является самым передовым народом мира. Такое переворачивание идеологических ценностей не должно удивлять: в условиях культуры, построенной на дуалистических моделях, переход от одной структуры к другой совершается не постепенным развитием, а заменой одной идеологии на противоположную, причем основная структура сохраняется⁵⁰.

Советская «народность» не исчерпывается, однако, реинтерпретацией исторических традиций, а понятие народности в тоталитарном обществе приобретает новый смысл. В итоге получается функциональная конвергенция генетически различных элементов. Отсюда — удивительное совпадение функций «народности» в национал-социализме и сталинизме. Народ, как нерасчлененное, монолитное целое, в самопонимании тоталитарной культуры стал комплементарным понятием к вождю. Народ — это база той пирамиды, на вершине которой стоит вождь. По словам одного немецкого автора, вожди могут репрезентировать народ, потому что они обладают «“инстинктивным сочувствием” глубокой тоске, неосознанному стремлению их народа к становлению»⁵¹.

Народность в тоталитарных обществах вырастает из стремления власти укорениться в массах не по «холодной» идеологической линии, а по «теплой» линии эмоциональности, традиционности и мифологичности. Это попытка овладеть «душой» народа в целях создания видимости органической, семейной «*Volksgemeinschaft*» или «советского народа». Народ является важной составной частью этого механизма. Соцреализм, вбирая в себя народность, был не просто системой требований, диктуемых «сверху», а машиной кодирования «потока желаний масс», культурным пространством, «где встречаются опыт массы и язык власти»⁵².

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Обзор литературы по «советскому патриотизму» см. в кн.: *E. Oberlander. Sowjetpatriotismus und Geschichte. Dokumentation.* Köln, 1967.

2 См.: Первый Всесоюзный съезд советских писателей 1934. Стенографической отчет. М., 1934. С. 384.

3 См.: *H. Gunther. Die Verstaatlichung der Literatur: Entstehung und Funktionsweise des sozialistisch-realistischen Kanons in der sowjetischen Literatur der 30er Jahre.* Stuttgart, 1984. S. 47—54, 150—152.

4 См.: Н.-J. Lehnert. Die Ruckkehr zur Folklore in der sowjetischen Literaturwissenschaft nach 1936 Utopie in neuem Gewand? // *Znakolog*. 1992. № 4. S. 234.

5 О мифе Большой семьи см.: К. Clark. *The Soviet Novel. History as Ritual*. Chicago/London, 1981. P. 114—129. В центре внимания К. Кларк — отношения отца-Сталина и героических сыновей. Роль материнского начала на материале советской массовой песни освещается в статье: Х. Гюнтер. Поющая родина. Советская массовая песня как выражение архетипа матери // *Вопросы литературы*. 1997. № 4.

6 А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в десяти томах. Т. 7. М., 1958. С. 38.

7 В. Г. Белинский. Собр. соч. в трех томах. Т. 1. М., 1948. С. 118. Далее в тексте цитируется по этому изданию.

8 См.: Ju. Murashov. *Jenseits der Mimesis. Russische Literaturtheorie im 18. und 19. Jahrhundert von M. V. Lomonosov zu V. G. Belinskij*. Munchen, 1993. S. 191—195.

9 О конфликте мистицизма и рационализма в представлениях Белинского о народе см.: V. Terras. *Belinskij and Russian Literary Criticism. The Heritage of Organic Aesthetics*. Madison, Wisc., 1974. P. 92—101.

10 А. Lazari. *Kategoria «narodnost'» w estetyce radzieckiej (zarys problemu)* // *Slavia orientalis*. 1991. Vol. 40. № 1—2. S. 121.

11 О теории официальной народности см.: А. Зорин. Идеология «православия-самодержавия-народности»: Опыт реконструкции // *Новое литературное обозрение*. 1997. № 26. С. 71—104.

12 И. Киреевский. Избранные статьи. М., 1984. С. 210. Далее в тексте цитируется по этому изданию.

13 Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. Т. 19. М., 1979. С. 18. Далее в тексте цитируется по этому изданию.

14 См.: E. Muller. *Russischer Intellekt in europaischer Krise. Ivan Kireevskij (1806—1856)*. Graz, 1966. S. 333—339.

15 Н. Добролюбов. Собр. соч. в трех томах. Т. 1. М., 1950. С. 314. Далее в тексте цитируется по этому изданию.

16 Вехи. Интеллигенция и Россия. Сб. статей 1909—1919. М., 1991. С. 75.

17 Там же. С. 165.

18 См.: R. Sesterhenn *Das «Bogostroitel'stvo» bei Gor'kij und Lunacharskij bis 1909*. Munchen, 1982. S. 307—325.

19 См.: H. Gunther. *Der sozialistische Ubermensch: M. Gor'kij und der sowjetische Heldenmythos*. Stuttgart / Weimar, 1993. S. 50—51, 131—133.

20 Ср. близость слова «народ» к таким словам как «род», «родить», «родина», «родной», «родитель» и т. д.

21 См.: W. Emmerich. *Germanistische Volkstumsideologie*. Tubingen, 1968. S. 34.

22 Цит. по кн.: P. Kluckhohn. *Die Idee des Volkes im Schriftum der deutschen Bewegung*. Berlin, 1934. S. 186. Оттуда взяты и последующие цитаты в тексте.

23 W. Stapel. *Untersuchung uber Volkheit und Volkstum*. Hamburg, 1942 (1. Aufl. 1917). S. 80.

24 F. Tonnies. *Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie*. (6. und 7. Aufl.). Berlin, 1926. S. 5.

25 Е. Добренко. Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении. Мюнхен, 1993. С. 177—189.

26 См.: В. Паперный. *Культура «Два»*. Ann Arbor, 1985. С. 132—147.

27 Большая Советская Энциклопедия. Т. 29. М., 1954. С. 144.

28 Там же. С. 146.

29 В. Паперный. *Культура «Два»*. С. 240.

30 Цит. по: W. Emmerich. *Germanistische Volkstumsideologie*. S. 102.

31 Первый Всесоюзный съезд советских писателей. С. 382.

32 Против формализма и натурализма в искусстве: Сб. статей и материалов /

Сост. В. Малик. Ташкент, 1936. С. 87.

33 *C. Greenberg*. Art and Culture: Critical Essays. Boston, 1961. P. 19.

34 *M. Kundera*. Die unertragliche Leichtigkeit des Seins. Frankfurt a. M., 1988. S. 238.

35 Подробнее об этой выставке см.: Nationalsozialismus und entartete Kunst, hrsg. von P.-K. Schuster. Munchen, 1987. S. 222—259.

36 Против формализма и натурализма в искусстве. С. 231.

37 Там же. С. 12.

38 *M. Nordau*. Entartung. Berlin, 1892—1893.

39 См.: *H. Gunther*. Der sozialistische Uebermensch. S. 53—58.

40 Цит. по кн.: Nationalsozialismus und entartete Kunst. Munchen, 1987. S. 192.

41 Там же. С. 96.

42 См. например: *F. Oinas*. The Problem of the Notion of Soviet Folklore. Columbia 1984; *F. Miller*. Folklore for Stalin. Russian Folklore and the Pseudofolklore of the Stalin Era. Armonk-London, 1990.

43 Подробнее см.: *Х. Гюнтер*. Михаил Бахтин: теоретическая альтернатива социалистическому реализму // Бахтинский сборник. Вып. III. М., 1997. С. 56—75; см. также: *М. Рыклин*. Террорологии. Тарту/Москва, 1992. С. 34—39.

44 *В. Курпотин*. Народность и простота // Против формализма и натурализма в искусстве. С. 124.

45 *В. Ермилов*. За народность искусства // Красная новь. 1936. № 4. С. 234.

46 *Th. W. Adorno*. Jargon der Eigentlichkeit. Zur deutschen Ideologie. Frankfurt a. M., 1964. S. 111.

47 В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1989. С. 663.

48 *И. В. Кондаков*. Контрапункт: две линии в развитии русской культуры (славянофилы и революционные демократы) // Русская литература. 1991. № 3. С. 5.

49 *В. А. Кошелев*. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840—1850-е годы). Л., 1984. С. 92—93.

50 *Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский*. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Б. А. Успенский. Избранные труды. Т. 1. М., 1994. С. 219—253.

51 *W. Stapel*. Volk. Untersuchung uber Volkheit und Volkstum. S. 58—59.

52 *Э. Надточий*. Друк, товарищ и Барт (несколько предварительных замечаний к вопрошению о месте социалистического реализма в искусстве XX века) // Даугава. 1989. № 8. С. 115—116.